

Ошибочно думать, что девичник устраивают только незамужние девушки, чтобы соблюсти часть свадебного обряда. В древности, может, так оно и было. Но в наше время на девичник собираются и дамы зрелого возраста, чей замужний опыт исчисляется не одним десятком лет. Прекрасная возможность – поговорить о своём, о женском, и перемыть косточки нерадивым мужикам!

Завтрашний день обещал быть слишком жарким – не до огородных работ. Муж Любы по обычаю с четырёх утра запланировал рыбалку, а она в его отсутствие – посиделки с давней подругой. И повод для этого был подходящий. Даже два повода: день Петра и Павла, а они – Любовь Петровна да Надежда Павловна, и готовность клубничной наливки, которую каждая из подруг делала по своему особому рецепту.

Возраст обеих далеко не молодой, всякого рода спиртное попробовать успели, а так вышло, что лучше наливочки на ягодах со своего огорода для них ничего и нет! Договорились встретиться завтра, к обеду, да каждая со своим шкаликом – для сравнения вкуса – и чтобы обязательно без мужиков. Много ли женщинам надо? Посидят, наговорятся вволю. А с этими – никакого отдыха. Пить не умеют. Попадёт рюмка в глотку – считай, день пропал. А если узнают про наличие в доме наливки – всю как есть оприходуют. «Нам она, как лекарство, – рассуждали подруги, – а им без разницы с чего дуреть». Вот и Лёвка – муж Любы – своей вечерней пьянкой чуть не сбил ей намеченные планы. Вроде сильно пьющим мужика не назовёшь, а тут на тебе. С чего бы вдруг? До утра Любе не спалось – мысли покоя не давали. А проснувшись – не обнаружила в доме ни рыболовных снастей, ни их владельца. «Значит, всё-таки уехал», – решила она и занялась подготовкой к встрече.

Накрыли подруги стол простыми сезонными закусками: огурчики малосольные, помидорки с грядки, перчик, сальцо, отварные яички, лучок зелёный, селёdochка под картошечку. Налили по рюмашке «клубничной» и едва успели оценить аромат, сладость и послевкусие выпитого, как на пороге появился Лёва.

Утром Лёва действительно планировал сходить на рыбалку, но проспал, потому как с вечера перебрал лишнего с соседом. Выпить он любил, особенно под хорошую закуску да по поводу либо по причине, но не злоупотреблял. Ни-ни. А тут как раз причина нашлась. Зашёл к нему часиков в пять вечера сосед Мишка за опилками и – прямиком к коробу. «Дай, – говорит, – мне пару вёдер, если не жалко». Говорит, а сам рукой по локоть в опилках шарит. Пошарил и достаёт оттуда литровку ягодной настойки. Лёва оторопел. Выходит, он знать не знает, что в собственном хозяйстве делается? А этот пройдоха пришёл – и на тебе! Вообще Мишка мужик неплохой, безвредный и в помощи безотказный. Только вот трезвым в последнее время его редко видели. Самый разгар огородных работ – а у того расслабуха. Зато все последние поселковые новости расскажет, только наливай.

Выхватил Лёва из Мишкиных рук бутылку, а он:

– Может, по глоточку? Голова у меня с утра раскалывается.

– За неделю не наглотался ещё? – возмутился Лёва. Взбесила его подоплёка Мишкиного поступка. – Ты за опилками пришёл? Бери.

– И ты туда же! Моя какой день пилит – мол, займись делами, иначе я тебе устрою райскую жизнь. Дёрганая стала. Вчера взялась курицу разделывать. Рубит её топориком и приговаривает: «Ну, Мишка, ты у меня дождёшься». Покромсала всю тушку на рагу за считанные секунды. Недобрый это знак, Лёвка. Ой, не добрый. Смерти она моей хочет. А на днях книжонку в дом принесла про яды. Думаю, отравить меня решила. Вот как подмешает чего? Сто раз подумаешь: выпить или нет. Вон как руки от страха трясутся! – Мишка демонстративно протянул руку. – Как в таком состоянии работать? А помру? Она же скажет, что я специально в гроб улёгся, лишь бы ничего не делать! Подлечи, Лёвка, Любкиных запасов от ста грамм не убудет.

– Шёл бы ты отсюда, шпион хренов. Сегодня за Любой подсматрел, завтра – за мной.

– Да что я, ты же сам у жены не в чести, – подначивая, махнул рукой Мишка. – Раз она настойку в опилки спрятала, значит для других припасла. Любка твоя – баба хоть куда! Ты вон целыми днями на рыбалках пропадаешь, а она дома одна. Может, и нашла себе кого? Налей – я тебе кое-что расскажу.

– Тебе бы только сплетни собирать. Ни одна мимо не пролетит, – ответил Лёва, но бутылку раскупорил.

А теперь у самого с утра голова тяжёлая и от наливки, и от Мишкиных слов. Решил Лёва жену проверить. Всё равно на первый автобус опоздал, а следующий не скоро. Ну какая тут рыбалка! Ехать ни толку нет, ни мочи. День раскаляется. Помаячил он в полной рыбацкой экипировке возле автобусной остановки, купил себе в ближайшей торговой палатке чекушку и двинулся к дому по окружной. Сомнения насчёт жены мучали, а на скандал нарываться не хотелось. Люба у него баба с характером. Не гляди, что на пенсии, любой молодой фору даст. А уж если разозлится – не попадайся под руку: вспомнит опыт работы в перестройку продавцом винного отдела. Они с подружкой Надькой такие атаки оголтелых покупателей отбивали – вам и не снилось.

А ведь как всё начиналось! В белых халатах да расшитых головных уборах важно расхаживали девицы за прилавками: одна в винном отделе, другая в продуктовом. Одна бутылочку продаст, другая – закусочку. Теперешних продавцов так не одевают. Их не сразу и заметишь среди пёстрых рядов с товарами. А те были королевами. «Здесь Надежда и Любовь будни в праздник превращают!» – шутили местные мужики. Праздником в жизни Лёвы стала встреча с его королевой. Пришёл по случаю отовариться. Слово за слово – и закрутилось... Почти сорок лет вместе. Никогда от него ничего не скрывала, а тут Мишка со своими наблюдениями...

Выпил Лёва купленную по дороге чекушку, закусил огурцами, поутру прихваченными с грядки, и осмелевшим вошёл в дом.

Быть застуканными за выпивкой для подруг не впервой. И не в таких ситуациях бывали! Жизнь научила управлять собой в любом состоянии. Трезвели обе моментально! Их будто и хмель не брал. Бывало, по молодости, выпадет повод выпить в обеденный перерыв грамм по сто за чьё-нибудь здорье или так, для снятия усталости да успокоения нервов, только соберутся, разольют по чашкам (рюмок в подсобке не держали), а начальство возьми да нагрянь. Они – что Люба, что Надя – спокойно свои чашечки опустошат, никоим образом себя не выдавая, скажут – мол, ещё по одной нальём, чаем наполнят и с руководством чайку выпьют. Будто только это и пили.

– Нате, здрасти! Нарыбачился. Ты глянь на него. Вода речная так пьянит, что ли? – выпалила Люба, увидев мужа.

Слегка пошатываясь, Лёва зашёл в комнату, огляделся и, не обнаружив никого посторонних, кроме Нади, подошёл к столу – рюмки две, прибора тоже два. На сердце у мужика отлегло, он спокойно вымыл руки и присел рядом с гостьей.

– Накрылся наш девичник. Кому скажи: на работе могли себе позволить по рюмашке без лишних глаз, а на пенсию пошли – всё облом! Не дают женщинам расслабиться. И кто? Родные мужья.

– Мужское общенье бабам души греет, – парировал Лёва и знаком показал подать ему тарелку.

– Видали? Душу он мне греет! Ты мне нервы кипятишь!

– Ладно, не буянь! Праздник сегодня. Нальёшь мужу пару рюмок за компанию?

– Так если бы пару! Засядешь – не выгнать. Пьянь бесчувственная! – в сердцах сказала Люба и, выдохнув, поставила на стол третий прибор.

А Надежда подала надежду, вернув на место спрятанную на время разборку бутылку.

– Почему бесчувственная? – защитил себя Лёва. – Вот, например, чувство голода у меня имеется... Он спешно наложил в тарелку всё, что было на столе из закусок, и с жадностью стал поглощать.

Оба шкалика «клубничной» закончились быстро, а разговора по душам у подруг так и не получилось. Не обо всём можно говорить, когда есть посторонние уши. Выдавать свой домашний запас при Лёвке Любе очень не хотелось, а тот, как назло, не унимался: травил байку за байкой, провожая взглядом каждое движение супруги, и постукивал по столу пустой рюмкой, мол, надо бы наполнить. И Люба вспомнила о спрятанной в опилках литровке...

Она не вошла – влетела в комнату, где оставила Лёву с Надей, и, размахивая перед носом мужа бутылкой, на дне которой краснели остатки жидкости, спросила:

– Что это?

– Бу-тыл-ка, – невозмутимо ответил муж.

– А почему пустая?

– Спроси там, где взяла.

– У опилок?

– Можно и у них, если ответят. Ты же им больше доверяешь.

– Так вот с чего ты вчера праздновал? А я вернулась от детей, глядь – он уж пьяный! Грамма больше не налью! Уйди с глаз моих!

– Не дождётесь, – Лёва продолжал сидеть. Он вжимал голову в плечи при любом взмахе Любиных рук и улыбался. Улыбался, потому что подозрения в неверности жены уже не мучали, угрызения совести тоже, а эта сцена его просто забавляла.

– Что вы мужики за люди такие? – не выдержала Надя. Немногословная, она старалась не лезть в чужие разборки и поначалу наблюдала семейную сцену спокойно, даже с интересом. Но и её терпению пришёл конец: – Держишь вас в руках – так и норовите смотаться, едва выпустишь – распускаетесь...

– Я тебе что, клубок? – парировал Лёва.

– Клубок! Он нервов моих клубок. – Люба присела, облокотившись на край стола, положила ладонь на грудь со стороны сердца и обратилась к подруге: – Ой, Надь, я сегодня точно напьюсь.

– И нам нальёшь, – опередил с ответом Лёва. – Неси выпить, жена. Всё одно не уйду. Буду сидеть здесь, как привязанный.

– Привязанный, говоришь...

За секунду в голове Любы созрел план. Она посидела немного в раздумье, пару раз повторила слово «привязанный», затем звучно шлёпнула ладонью по столу, полушёпотом добавила: «Ну, Лёвка, будь, по-твоему. Сам напросился!» – и вышла из комнаты.

Лёва не сопротивлялся. Да и как это сделать, если Надежда (а она женщина крупная) уселась ему на колени, не давая возможности шевельнуться. И пока тот отпускал лестные комментарии пышным формам гостыи, жена связывала его руки за спинкой стула. Успокоилась Люба, лишь полностью привязав мужа. Она облегчённо вздохнула и принялась собирать со стола закуску, оставив понемногу в Лёвиной тарелке.

– Ну, всё! Сиди тут, празднуй. А мы найдём себе место, где притулиться.

Завечерело. Жара пошла на убыль, потихоньку уступая сумеречной прохладе. Закатным цветом окрасились макушки деревьев, крыши домов и стол у окна в предбаннике, за которым Люба и Надя продолжали свой неудачно начавшийся девичник. Душевно пошла Любина «клубничная». Сначала под смех до слёз от совершённой над Лёвой экзекуцией, потом за разговорами о женских радостях да горестях и к завершению – с застольными песнями. И это нетленное наследство, полученное от мам и бабушек, вновь разливало вековую печаль меж соседних домов, рассказывая о безответной любви, о неверных женихах и неминуемой разлуке. А когда, смочив на посошок горло, обе женщины вышли на улицу, чтобы наконец освободить узника, то нос к носу столкнулись с Мишкой. Вездесущий сосед не терял надежды похмелиться за чужой счёт и почему-то решил, что где поют, там и наливают.

– Я, Люба, что хотел сказать, – начал Мишка. – Отменная у тебя настойка получилась. Как бальзам, от смерти отымет. Лёва вчера угощал...

– Лёва угощал?! – Люба вскипела и, не дав договорить, вытолкала соседа за калитку. – Не хватало ещё перед твоей женой ответ держать. А если ты к Лёвке пришёл, то нет его! Он у меня по рукам и ногам связан, за вчерашнее.

– Ха! Связан! – выкрикнул в ответ Михаил. – А кто у тебя по огороду весь вечер с лейками носится? Все вы бабы такие...

Люба не дослушала. В недоумении она спешно свернула на тропинку, ведущую от бани к грядкам. За ней, желая первой убедиться в правоте Мишкиных слов, заглядывая через плечо торопливо идущей подруги и натываясь на щедро разросшиеся по обочинам тропинки многолетники, следовала Надежда. А из-за забора всё доносились возмущения Мишки:

– Не цените вы нашего брата! Вам только принцев подавай, а мы вот и на Золушек согласны.

Лёва уже закончил поливочные работы, наполнил водой две пластиковые бочки, смотал шланг, убрал лейки и собрался было идти в дом, когда дорогу ему преградили жена и её гостя. На раскрасневшихся лицах застыл немой вопрос.

– Ну что, девчата, хорошо посидели? – опередил их Лёва и, заметив ответное недоумение, озорно улыбнулся: – Другой раз предупреждайте, когда у вас девичник, – заранее спрячусь. А ну как опять вспомните свою боевую молодость?

Он улыбался. А в головах подруг дозревало старое доброе суждение: ну куда мужикам без нас – ни жизнь познать, ни подвиг совершить.